

Никишкин Александр Владимирович

канд. юрид. наук, член-корреспондент РАЕН,
старший преподаватель, подполковник полиции

Вашкевич Алла Васильевна

канд. пед. наук, доцент, полковник полиции
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Санкт-Петербург

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСЛАМСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ – ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП МИРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются изменения характера угроз национальной безопасности для анализа и реализации возможных путей противодействия исламскому экстремизму. Также авторами в полном объёме рассматривается термин «асимметричные политические стратегии» как наиболее общее родовое понятие, отражающее реальную геополитическую ситуацию.

Ключевые слова: политические стратегии, исламский экстремизм, общественное внимание, вооружённые формирования, политическая обстановка, информационно-пропагандистское обеспечение.

Для полноты анализа возможных путей противодействия исламскому экстремизму необходимо рассмотреть изменение характера угроз безопасности, которое мы можем наблюдать в последнее десятилетие. Наиболее значимым здесь является повышение важности так называемых асимметричных угроз. Угроза со стороны исламского экстремизма как раз относится к подобному типу угроз, что требует комплексного подхода к противостоянию ей. При этом одних лишь усилий силовых структур или нормотворчества, традиционно направленных на борьбу с симметричными угрозами, становится недостаточно.

Термин «асимметрия» в последнее время привлекает растущее общественное внимание. Однако многие используют его, не имея представления о его значении. Асимметрия означает отсутствие общей основы для сравнения в

отношении качества, операционных условий и возможностей. Асимметрия в военно-политической сфере проявляется в использовании асимметричных политических стратегий, все более широком использовании асимметричных боевых действий и все большей актуализации асимметричных угроз.

Асимметричные политические стратегии являются наиболее общим родовым понятием, отражающим ситуации, когда, например, экономические методы используются для достижения военных целей, или когда использование информационно-психологические методик служат защите политических интересов (даже без использования военной силы). На стратегическом уровне пытаются использовать страхи гражданского населения, подорвать правительство или скомпрометировать существующие альянсы. На тактическом уровне задачей является вынудить противника изменить его курс или тактику. Другой целью может являться проведение атаки, которую противнику будет предотвратить или отразить. Угрозы, связанные с терроризмом, ликвидацией последствий катастроф, операциями по поддержанию мира, кампаниями гражданского неповиновения и организованной преступностью, являются примерами асимметричного политического подхода к противодействию более сильному противнику.

Асимметричные угрозы требуют совершенно новых стратегий противодействия им. Информационно-психологический аспект военных конфликтов зачастую выходит на первое место. Сама военная победа становится менее значимой, чем образы войны в средствах массовой информации. Основанные лишь на технологических новшествах пути ведения боевых действий, будучи зачастую весьма эффективны в тактическом отношении, не в состоянии решать политические проблемы.

Именно поэтому объявление «войны террору» и тем, кто его использует, не предоставляет возможности для выработки работоспособной стратегии. Взгляд на нынешний конфликт как на войну против западной секулярной системы государств дает для этого больше материала. Знакомые стратегические концепции могут быть неприменимы к новым условиям, поскольку они ориентированы

лишь на межгосударственный конфликт. Обеспечение государственной безопасности в окружении соперничающих интересов других государств в корне отличается от борьбы с аморфными международными сетями, не имеющими никакой юридической привязки к международной системе государств. Военные конфликты становятся весьма разнородными. Нынешняя стратегическая концепция поэтому должна проводить четкое различие между войнами, ведущимися государствами против государств (*bellum*) и войнами, ведущимися против тех, кто не имеет легитимного государственного статуса (*guerra*). Необходима особая стратегия для второго типа конфликтов. Поэтому, поскольку «война с терроризмом» не может служить основой для выработки стратегии, первой стадией может быть формирование соответствующей концепции конфликта путем переноса внимания от терроризма как чего-то монолитного, к конкретным актам террора и террористам, представляющим угрозу, их целям и типу войны, которую они ведут. Затем необходимо рассмотреть, каким образом современные стратегические концепции использования военной силы могут быть применены в этих условиях.

Природа и параметры глобальной войны против терроризма пока еще остаются неясными. Нынешняя администрация США, например, обозначила множество врагов, включая государства-изгои, распространителей оружия массового поражения, террористические организации и террористов. Администрация Дональда Трампа постулировала существование широкой международной террористической угрозы национальной безопасности, которая включает:

- три географических уровня террористических организаций – национальные, региональные и глобальные;
- государства-изгои;
- лица и организации, распространяющие оружие массового поражения;
- неудавшиеся государства, которые могут не поддерживать терроризм сами, но невольно предоставляют поддержку тем организациям, которые используют терроризм.

К сожалению, такое сведение в единое целое государств-изгоев и террористических организаций с разными целями и уровнями угрозы, которую они представляют, нивелирует различия между государствами-изгоями, между террористическими организациями и между государствами-изгоями и террористическими группами. Государства-изгой и террористические организации в корне различаются по характеру и уязвимости перед лицом военной мощи государств. Террористические организации – негосударственные объединения, для которых наилучшей защитой как раз и является отсутствие государственности. Государства-изгой как суверенные государства имеют четко очерченную территорию, население, правительственную инфраструктуру, которые, в отличие от террористических организаций, могут быть как объектом политики сдерживания, так и объектом военной атаки. Тем не менее, все они сведены под категорию равновеликой и единой угрозы. Таким образом, смешение понятий на уровне теоретического осмысления феномена терроризма привело в путанице в прикладном анализе, что, в свою очередь, ведет к проведению некогерентной и неэффективной внешней и военной политики.

Игнорирование асимметричного характера угрозы исламского терроризма и экстремизма приводит к тому, что проведение военных операций, становится не более чем попыткой решения новых проблем старыми средствами. Примером планирования военных операций, бывших эффективными на тактическом уровне, но не достигших, в конечном счете, долгосрочных политических целей, является военное планирование Сирийской кампании 2014 года. Несмотря на тактическую эффективность военного планирования Сирийской кампании и попытку широко использовать информационно-психологические инструменты, игнорирование изменения характера угроз безопасности, перехода к так называемым асимметричным боевым действиям и роста значения асимметричных угроз привело к неадекватности постановки целей кампании. Цели, обозначенные выше, были во многом взаимоисключающими. Часть из них была вообще недостижима, поскольку они ставились не на основе реальной разведывательной

информации, а исходя из внутривнутриполитических установок. Невозможность достижения некоторых декларируемых политических целей кампании привела к тому, что особое значение приобрело соответствующее освещение кампании в средствах массовой информации. Причем освещение с активным использованием инструментария политического манипулирования, нацеленного не только на население Сирии, но и на собственное население и мировое общественное мнение. Характерной чертой происходящих процессов стало появление понятия «реальная виртуальность», используемого для обозначения ситуации, когда освещение некоторого события в средствах массовой информации приобретает большую социальную значимость, чем, собственно, само это событие. В перспективе же стало возможно и создание в средствах массовой информации образов несуществующих событий (в том числе и военных конфликтов), которые будут рассматриваться в качестве реальных и иметь реальные политические последствия.

В целом анализ феномена исламского экстремизма и терроризма как асимметричной угрозы безопасности позволяет сформулировать несколько общих выводов.

Повышение внимания к исламу как на Западе, так и в России было связано с ростом политической роли исламского экстремизма. Именно с 11 сентября 2001 года в политический лексикон для характеристики отношений с исламским миром прочно вошла фраза «война идей». На первых порах, как в Соединенных Штатах, так и в России отношения с исламским миром виделись как ключевой компонент сдерживания угроз безопасности. Воинствующие исламисты при этом боролись за широкую поддержку своих политических программ. Таким образом, противостояние между террористическими группировками и правоохранительными органами и специальными службами переросло в идеологическое противостояние, в которое оказались вовлечены лица, принимающие решения, духовенство, граждане как в самом мусульманском мире, так и вне его. В этом противостоянии предметом дискуссий являются различные интерпретации исламского права и их применимость для конкретных политических и социальных

условий. В этом противостоянии можно выделить три основные группы специалистов в области истории и культуры ислама: умеренные исламские ученые, стремящиеся к сотрудничеству с немусульманским миром, и две группы салафитов – религиозный истеблишмент Саудовской Аравии и воинствующие салафистские ученые, выступающие за джихад. Трансформация же общественного мнения мусульман в «политический товар» привела к тому, что интерпретации исламского закона часто осуществляются через политические линзы.

Все эти тенденции делают традиционные методы противостояния исламскому экстремизму, включающие создание соответствующей законодательной базы, усилия правоохранительных органов и спецслужб, проведение контртеррористических операций, недостаточно эффективными.

Анализ, проведенный Институтом предотвращения терроризма, наглядно показал, что за время активного применения этих методов количество членов Аль-Каеды выросло с 20 тысяч (в 2001 году) до 50 тысяч (в 2006). В результате проведения анализа сравнительной эффективности различных методов противодействия исламскому терроризму исследователи пришли к выводу, что наиболее успешный метод борьбы с исламским экстремизмом заключается вовсе не в аресте, или уничтожении большего числа экстремистов, а в подрыве базы их поддержки и в дискредитации их идеологии. Именно борьба против экстремистской идеологии является необходимым условием противодействия терроризму. Однако ресурсы, выделяемые на нее, во много раз уступают ресурсам, выделяемым на традиционные контртеррористические операции.

Проведенный анализ сравнительной эффективности (в соотношении затраты/результат) различных методов противодействия исламскому экстремизму показывает, что несмотря на то, что усилия правоохранительных органов и вооруженных сил являются необходимым компонентом общегосударственной стратегии борьбы с исламским экстремизмом, в связи с ростом значения идеологического фактора большее внимание следует уделять выработке и проведению соответствующей государственной образовательной политики, средствам из

арсенала так называемого информационно-психологического противоборства и работе со средствами массовой информации.

Возможно, в этой связи может оказаться зарубежный опыт разработки комплексного подхода к противодействию исламизму и исламскому терроризму. Ключевым пунктом нынешней американской стратегии противодействия исламскому радикализму является поддержка так называемого «гражданского ислама» – исламских групп гражданского общества, выступающих за модернизацию. По мнению американских экспертов, умеренный политический ислам в демократическом контексте может понизить привлекательностью теократических движений. Финансирование образования и культурно-просветительской работы, поэтому обозначается одним из приоритетных направлений политики противодействия исламизму. Ведущими зарубежными мозговыми центрами предлагается некая интегрированная синтетическая концепция, нацеленная на развитие «гражданского, демократического ислама». Основными элементами такой стратегии являются:

- поддержка модернистских тенденций в исламе, предоставляя им более широкие возможности, чем традиционалистам, для артикуляции своих позиций и распространения своих мнений;
- поддержка секуляристов на нерегулярной основе;
- поддержка в исламских регионах гражданских институтов и программ;
- поддержка традиционалистов в той степени, чтобы они были способны сдерживать натиск фундаменталистов;
- оппозиция фундаментализму.

Вспомогательными элементами являются:

- подрыв монополии фундаменталистов на определение, объяснение и интерпретацию положений ислама;
- идентификация модернистских ученых исламоведов для их использования, например, в культурно-просветительской работе в мусульманской среде;

– поддержка модернистских ученых в подготовке ими учебников и учебных программ;

– субсидирование публикации умеренных исламоведческих книг, с тем чтобы сделать их сравнимыми по цене с фундаменталистской литературой;

– использование СМИ для распространения идей модернистских исламоведов.

Думается, что элементы такого подхода вполне применимы и для России, где их использование силовыми ведомствами, органами государственного управления всех уровней, учреждениями, подведомственными Рособразованию, может служить вполне работоспособной методологической базой для противостояния исламскому экстремизму.

Список литературы

1. Вашкевич А.В. Некоторые аспекты терроризма и экстремизма через призму истории его возникновения и религиозных течений в нём / А.В. Вашкевич, А.В. Никишкин, М.А. Шелепова // Мир политики и социологии. – 2018. – №1. – С. 169–172.

2. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2008.

3. Никишкин А.В. Предупреждение сотрудниками органов внутренних дел преступлений террористической направленности / А.В. Никишкин, И.В. Степанов, Д.В. Нерус // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности: сборник материалов Международной научной конференции. – Чебоксары, 2019. – С. 282–284.

4. Патрушев Н.П. Национальный антитеррористический комитет в системе обеспечения безопасности Российской Федерации // Федеральный справочник: политика, экономика, управление. – 2007. – №11.

5. Хазов Е.Н. Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности / Е.Н. Хазов, В.В. Волченков, Н.Д. Эриашвили [и др.] // Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. – М., 2013.

6. Хлебушкин А.Г. Экстремизм. Уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко; МВД России; Саратов. юрид. ин-т. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2007.

7. Эриашвили Н.Д. Органы государственной власти в России. Конституционно-правовой аспект: учеб. пособие для студентов вузов / Н.Д. Эриашвили, Б.Н. Габричидзе, В.Н. Белоновский [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2016.

8. Янгол В.Н. Уголовно-правовая, криминологическая и оперативно-розыскная характеристика терроризма и преступлений террористического характера: монография. – СПб., 2014.